

Анна Вислоух

ЗАЯЦ В ДЕТСТВЕ НЕ ТРУСЛИВ

Рассказ

-Д

евушка! Немедленно достаньте шпиргалку из кармана! — преподаватель по вычислительной технике буквально буравила глазами Женькину юбку и, казалось, видела содержимое ее карманов насквозь.

— М-м-м, — промычала Женька. — Из какого?

По логике на этот дурацкий вопрос полагалось бы ответить: «Из обоих!» — но затурканная бестолковыми студентами и измученная жарой дама ткнула ей пальцем в правый бок и рявкнула:

— Из этого!

Женька судорожно зашарила в модном широченном кармане, выудила оттуда треклятую лекцию и, аккуратно расправив свернутый листок, покорно положила его на стол. Вот ведь сквозь карман разглядела!

Но на бедрах прихваченные резинками еще остались шикарные «бомбы»: все ответы на вопросы билетов, написанные заранее. И Женька, семеня, как японская гейша, попыталась спрятаться где-то на «камчатке», но в спину ей немедленно полетело:

— Куда это вы направились?! На первую парту — и живенько!

Конечно, можно было все честно выучить — и не такое видали. Но разве полезет в голову эта несусветная заумь, когда на улице только начало лета, а жарко уже, как на экваторе! В квартире плотно задернуты все шторы, но даже это не создает желанной прохлады, и ты валяешься на полу и честно пытаешься понять разницу между Фортраном и Алголом — и, хоть убей, не понимаешь.

...С чувством выполненного долга и с заветной четверкой в зачетке по непонятному и нелюбимому предмету Женька легко перемахнула через ступеньки у выхода из института и, мурлыча под нос какую-то песенку, побежала к автобусной остановке.

— Женя!

Обернувшись, Женька увидела симпатичного молодого человека невысокого роста с гривой светлых волос. Миша?!

— Ааа... привет, — ответила она. — Ты что-то хотел спросить?

— Да ничего, — засмеялся парень. — Просто увидел тебя и вспомнил, как мы песню про свечи пели. Ну, в колхозе, на картошке. Помнишь?

Вот этого напоминать ему было не нужно. Этого позора Женьке не забыть во всю оставшуюся жизнь. Она нахмурилась.

— А-а, припоминаю, — ехидно протянула Женька. — Тебя, кажется, зовут Мишей?

Мсть была мелкой. Но удержаться Женька не могла.

— Точно. А ты экзамен только что сдала? — Он словно не заметил ее пренебрежительной забывчивости. Или понял, что она нарочита, и почему-то решил не обращать внимания. С чего бы?

— Ну да... «Вычтех» проклятый!

— О, сочувствую. Вернее, поздравляю. — Он снова улыбнулся. — А можно тебя проводить?

— Пешком или на автобусе поедем?

— Пошли лучше пешком, ведь ты не очень далеко живешь. Правда?

— Правда, — Женька с удивлением взглянула на парня: «Откуда знает?» А впрочем, не все ли равно. Миша ей уже нравился (или всегда нравился?), и вообще, на душе было так разноцветно и радостно, что эта ни к чему не обязывающая встреча только придавала дополнительный шарм чудесному дню.

Так они познакомились во второй раз. Женька к своим неполным двадцати годам, в общем-то, не имела большого опыта общения с противоположным полом. Был, конечно, мальчик, еще в школе, с которым она дружила целых два года, и они даже собирались пожениться. Правда, за все время так ни разу и не поцеловались: ходили, взявшись за руки, по парку у школы, стояли вместе на переменах у окна, а летом ездили на электричке купаться на речку. На них любовалась вся школа, учителя умилялись особенно, предрекая им счастливое и безоблачное будущее, но... В конце десятого класса Женька от этого красавца сбежала. Ей вдруг стало невыносимо скучно и захотелось бешеной страсти, бурных ссор с романтическими примирениями, цветов к ногам и ночных серенад. Ну, может, и не совсем серенад, но чего-то такого... Она и сама не до конца понимала, что ее так раздражало в ежевечернем аккуратном Борькином появлении у ее подъезда и в чинных променадах за руку под бдительным оком дворовых старушек. Про секс тогда мало что говорили. И в основном шепотом, в девчачьем туалете, а более опытные старательно помалкивали и особо о своих похождениях не распространялись.

Борис еще ходил под Женькиными окнами недели три, вздыхал, окутывая ее печальным взором при каждой встрече, но объяснений никаких не требовал. Женьке от этого стало еще скучнее, она словно застряла на бесконечном сеансе в кинотеатре повторного фильма. А потом вдруг резко выдернула себя из мягкого кресла и, не дожидаясь в титрах слов «Конец фильма», выскочила из душевого зала на свежий воздух и стала глотать его полной грудью, упиваясь свободой и независимостью. От кого, от чего — неважно.

Потом она поступила в институт. Правда, не в тот, в который хотела. Родители уговорили: «Получи сначала специальность, а потом сочини себе, сколько хочешь». Почему послушалась? Сколько себя помнила, с самого детства всегда принимала решения сама и только потом ставила в известность мать или отца, они к этому привыкли уже. А тут... Устала, наверное. Захотелось поплыть бездумно на волне чьей-то воли, а самостоятельность свою пока оставить до лучших (или худших?) времен. Пригодится еще. Чувствовала, что пригодится.

Уже через месяц после начала занятий Женька поняла: ей отсюда надо срочно удирать, или она сойдет с ума, так и не познав всей красоты начертательной геометрии и теоретической механики. В это время заболела мама. И Женька так и не смогла сообщить ей о своем решении, оставила все как есть, утешая себя тем, что в любой момент сможет что-то изменить, дождется только более удобного случая. Потом она вдруг простудилась, лежала дома, обложенная любимыми книгами. Писала грустные, какие-то декадентские стихи. Ей мнилось, что никто ее не любит, и даже покорный Борька с глазами беременной коровы показался вдруг вполне симпатичным и условно годным к возобновлению отношений. Дойдя до таких мыслей, Женька поняла: «Температура...» — и стала медленно, но верно поправляться.

Когда вернулась на занятия в институт, выяснилось, что всех первокурсников отправили в колхоз «на свеклу», а она как бы и не у дел. Собственно, это она потом только поняла, что ей, с одной стороны, крупно повезло: она не в поле, продуваемом остервенелым студеным ветром, и не выковыривает из земли намертво схваченную первым морозом свеклу, ту, что вовремя не убрали, а потом, спохватившись, бросили на ударный фронт девчонок с тяжеленными ломами в руках. С другой, не совсем приятной стороны, в этой жуткой битве за урожай ее однокурсники здорово сплотились, все передружились, а она осталась совсем одна со своими комплексами, завихрениями и обидами. Впрочем, таких было двое: она и Вика, девчонка из их группы, постарше Женьки и в чем-то опытнее.

Когда их послали собирать свеклу во второй раз — после ноябрьских праздников, после обязательной демонстрации и небольшой праздничной передышки, — они с Викторией уже были вместе. Вместе поселились на квартире у глухого дедка и даже спали на одной кровати: так было теплее и пошептаться удобнее, пока остальные дрыхнут, сморенные бессмысленным трудом на свекольной ниве. Женька буквально смотрела Вике в рот. Та рассказывала ей о своем парне, с которым не только целовалась, но и занималась тем самым сексом, о котором Женька имела самое смутное представление. Женька парня этого видела: он провожал Вику в колхоз, тискал ее огромными ручищами и слюнявил мокрыми, пухлыми губами. Женьке он не понравился. Она представляла себе человека, с которым можно разделить постель, как-то по-другому. Как дети пририсовывают портретам в учебниках усы и бороды, так и она мысленно к портрету какого-нибудь знаменитого артиста приставляла другой нос, примеряла глаза, меняла их выражение, лепила губы, подбородок и, получив то, что нравилось безоговорочно, удовлетворенно складывала новый образ в уголок своей памяти, чтобы через какое-то время благополучно забыть о нем и начать «работать» над новым. «Так и старой девой можно остаться», — грустила Женька, в свои восемнадцать лет чувствуя себя черепахой Тортиллой, нашедшей золотой ключик, но не сумевшей отыскать заветную дверь и открыть ее.

Чтобы скоротать долгие осенние вечера, оставшиеся свободными от добывания так необходимой родному государству сахарной свеклы, они с Викторией начали писать роман под названием «Заяц в детстве не труслив». Это был роман о зайцах, об их нелегкой судьбе и разных жизненных коллизиях, из которых они всякий раз с честью выходили. Закончить его им не удалось: все то же родное государство наконец-то вспомнило, что будущим инженерам неплохо было бы в свободное от полевых работ время посидеть и на лекциях, чтобы набраться инженерного ума-разума и при-

Менить его потом на благо опять же государства. Поэтому их всех срочно вывезли в город, не выковырянная свекла осталась в поле, а вместе с ней туда вмерзло Женькино детское чувство влюбленности во всех и каждого, и стала проступать, освобождаясь от пеленок, какая-то житейская мудрость и определенность. Хотелось чего-то высокого и чистого. Очень высокого и очень чистого. Но не было ни того, ни другого.

В колхоз Женька попала еще один раз. Больше она туда не ездила. Не довелось. Причина, по которой это произошло, не могла тогда ей даже прийти в голову. Как и то, что состоявшееся там знакомство перевернет ее жизнь.

Обычный лагерь, летом принимавший, как и положено, пионеров, в сентябре заселялся студентами, десантированными на поля Отечества для сбора картофеля. Располагался он в низине у подножия высоченного холма, поросшего довольно густым лесом. Поэтому молодежь с наступлением темноты собиралась в лесу напротив лагеря, и холм покрывался огоньками от костров, как новогодняя елка лампочками гирлянды. Они горели зазывно и жадно, притягивая к своему пламени даже тех, кто строго придерживался линии партии-комсомола. Они сидели почти всю ночь у костра: мальчики, девочки, взгляды, прикосновения, гитара... Да, конечно, гитара, как же без нее. Игра на гитаре — это был высший пилотаж. Молодой человек, играющий на гитаре да еще более или менее сносно исполняющий популярные в те годы песни, как правило, купался в лучах славы. А уж если это была девушка...

Женька с Викой играть на гитаре не умели. Зато умели петь. Да не просто, а на два голоса: за плечами у Вики была музыкалка, а у Женьки — солирование в хоре Дворца пионеров.

Научиться играть на гитаре — это была их заветная мечта. И тут на сцену можно вывести ту личность, без которой дальнейшее повествование будет бессмысленным. Этой личностью был вполне себе симпатичный паренек с архитектурного по имени Миша, который знал-то, может быть, три-четыре аккорда, да неплохо напевал пару веселых песенок тогдашней поры: «На старой кобыле, с ослом в поводу / Я еду в Монтану, овечек веду...» Девчонки дружно заводили припев: «Эгей, эге-ге-гей!» Особенно любили они, когда Миша, глядя задумчиво на яркие иголки костра, отскакивающие в темноту, затягивал напоследок: «Ночь притаилась за окном, туман рассорился с дождем...» И так он задушевно выводил про свечи, которые, сгорая, пели «о чем-то дальнем, неземном, о чем-то близком, дорогом», что подружки готовы были слушать об их страданиях снова и снова. Они долго приставали к Мише, чтобы он научил их хотя бы тем трем аккордам, которые знал сам. Наконец он сдался, и по вечерам девчонки по очереди терзали Мишину гитару.

Через пару вечеров их соседки, жившие в комнате, пообещали выселить Женьку с Викой на улицу — гитару из рук они практически не выпускали. Если одна дергала струны, то другая что-то ей подвывала, и наоборот. Через неделю этих мучений они довольно сносно могли пробраться пару незатейливых песенок, но вершина исполнительского творчества — песня о свечах — ими еще освоена не была.

Приблизительно в это же время комитет комсомола озадачился проблемой студенческого досуга, то бишь выведения гитаристов и их поклонников из темных лесов на свет Божий и легализации их полуночного творчества. Словом, решили провести смотр самодеятельности факультетов. Кому тогда в голову пришла идея, чтобы Миша сыграл, а Женька с Ви-

кой спели про эти несчастные свечи, не важно. Но факт остается фактом: решили петь именно эту песню. И все бы ничего, да только они почему-то запомнили первый ее куплет, а второй и третий как-то не зацепились за память и проскальзывали мимо сознания, теряясь в той самой романтической дымке, окутывавшей сие лирическое произведение. Куплеты нужно было, кровь из носу, выучить до завтра. Репетировать особо некогда: картошку никто не отменял. На поле пару раз песенку промурлыкали, вроде помнили слова, да ведь и Миша с ними рядом, в случае чего подхватит, подпоет, если где-то они запнутся. Но Мишка вдруг петь отказался наотрез, сказал, что будет только аккомпанировать, мол, стесняется на публике. А Вика Женьку честно предупредила:

— У меня со словами проблема, я их плохо запоминаю. Так что вся надежда на тебя!

— Ой, да что там запоминать, — отмахнулась та. — И потом, у меня память — сама знаешь: стоит повторить разика два — и все, на всю жизнь отпечаталось!

На концерт их снаряжали всей комнатой. Как же — честь факультета доверили защищать! И упасть лицом в грязь они не должны были ни при каких обстоятельствах. Надя Хорошкина, комсорг факультета, тяжело вздохнув, отдала Женьке свои небесно-голубые джинсы, которые тогда только что появились у фарцовщиков, стоили невероятно дорого, и обладатели их, а особенно обладательницы, получали значительную фору в привлечении внимания протитовольного пола перед теми, кто такими штанами не обзавелся. Еще раз прорепетировав свою коронную песню, все дружной гурьбой двинулись в столовую, где смотр самодеятельности и должен был проходить.

После песенки конкурирующего факультета про комиссаров в пыльных шлемах должно было выходить на импровизированную сцену их дружное трио. То, что их появление произвело неизгладимое впечатление, стало ясно сразу. Небесно-голубые джинсы были надеты явно не зря — по залу пронесся вздох восхищения. «Щас еще как запоем, погодите», — успела подумать Женька. Но тут Миша взял первые аккорды песни. Девчонки бодро завели: «Ночь притаилась за окном, туман рассорился с дождем...» Первый куплет благополучно спели. В зале стояла благоговейная тишина. Еще несколько аккордов и — начало второго куплета. И тут Женька поняла, что напрочь забыла слова! Ну хоть убейте, не помнила даже, про что там дальше речь идет... Посмотрела на Вика и увидела, что и та судорожно вспоминает хоть какую-то зацепку, и надежды на нее никакой. Так ведь она и предупреждала! Тем временем Миша с абсолютно непроницаемым выражением на лице закончил еще один, повторный, проигрыш между куплетами, и Женька прыгнула в ледяную прорубь, не придумав ничего лучше, как запеть: «Ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла...». Вика с облегчением подхватила это «ла-ла-ла», ставший вдруг багровым Мишка ударил по струнам, и они в полной тишине бросились вон из столовой. Подальше от вселенского и всеинститутского позора!

...Через час, когда, закрывшись в комнате, они уже нарыдались вдвоём, кто-то робко постучал в дверь.

— Девчонки, откройте! Очень нужно!

Вика нехотя оторвалась от подушки, промокшей насквозь.

— Вот они, пришли полюбоваться на наши страдания...

— Да уж, — уныло согласилась Женька. И подумала: «А все равно — джинсы на мне сидели классно!»

— Девчонки! Да откройте же! — за дверью уходить не собирались.

Женька сползла с кровати и, скорчив как можно более скорбную физиономию, приоткрыла дверь. На пороге стояла целая делегация из параллельной группы.

— Девчонки! Какую красивую песню вы пели! Спишите слова, а?

В комнате раздался истерический хохот. Это у Вики окончательно сдали нервы...

Миша в то первое, не слишком удачное знакомство Женьку не заинтересовал. Она тогда только что «нарисовала» новое лицо: мужественное, с резким грубым носом и жесткими губами, ориентировалась на него и вокруг никого не замечала. Да и не встречала его больше: учились они на разных факультетах, в разных корпусах огромного студенческого комплекса. Пару раз мелькала в коридоре его невысокая фигура с гривой светлых волос, но Женька старалась побыстрее пробежать мимо.

В тот момент, когда он окликнул ее у института, Женькина замершая в состоянии куколки детсадовская восторженность вот уже полгода как превратилась в бабочку и настойчиво давала о себе знать прежним, забытым состоянием легкой увлеченности, требовавшим какого-то выхода в виде необременительного романа.

* * *

Он поцеловал Женьку на третий день их нового знакомства. Стоял рядом, что-то говорил, вдруг замолчал и, когда она удивленно оглянулась, взял ее лицо в ладони, притянул к себе и закрыл своим ртом Женькины губы, на которых так и застрял невысказанный вопрос.

— Ты пахнешь молоком, — Миша уткнулся носом в Женькину шею, и пока она, ошеломленная, думала, как ей положено отреагировать, снова тихо прикоснулся губами к ее губам — как-то по-другому, словно нарочито неумело.

— Я молоко не люблю, — пробормотала Женька, так и не определив свою линию поведения и решив оставить это на потом. Она словно видела себя со стороны и пыталась примерить на себя это новое состояние, как перед зеркалом примеряют только что купленное платье.

Она стала ждать встреч с Мишей, все глубже проникаясь осознанием того, что ждет и не его вовсе, а того момента, когда он возьмет ее лицо в свои ладони и закроет своими губами ее вопрошающий рот, и все вопросы превратятся в ответы и закивают, как китайские болванчики: «Да! Да! Да!» Женька не могла определить своего отношения к этому парню, долго копаться в себе не хотела — боялась доковыряться до чего-то болезненного и стыдного, а потому решила считать, что влюблена, и этот статус показался ей приятным и удобным. Женька не знала, как надолго она в нем задержится, и не очень представляла, что будет потом, когда она решится с ним, с этим статусом, расстаться. В том, что это случится, она не сомневалась, и заранее обдумывала пути к отступлению, отыскивая и в самом Мише, и в его поведении неприятные ей черты, вывешивая их в уголках своего сознания, как флаги на домах в дни всеобщих торжеств, чтобы они напоминали о несовершенстве ее поклонника и не позволили ей привыкнуть к нему. Флагов было мало. Их катастрофически не хватало для того, чтобы с чистой совестью отпраздновать освобождение, как когда-то она отпраздновала освобождение от Борькиного страдальческого взгляда.

«С Борькой мы не целовались!» — догадывалась Женька, и эта разница перевешивала чашу весов в пользу Миши. Дальше все произошло быстро и буднично. Его родители отправились в санаторий, квартира была в их распоряжении, они собирались в ней шумными компаниями — в основном это были Мишины друзья, — пили вино, слушали до жути модных в те годы сладкоголосых Smokie, умудряясь попутно чертить какие-то чертежи, сдавать коллоквиумы и курсовые. Версия, придуманная для мамы, критики не выдерживала, но какое-то время срабатывала: она живет в общежитии, у Вики, по ее лекциям готовится к зачетам. В последнюю ночь перед приездом родителей они наконец-то остались одни, налепили пельменей, пили отцовский коньяк из специальных широких рюмок, и Миша учил Женьку согреть напиток в ладонях. Потом они оказались на диване, и что было дальше, Женька помнила плохо. Она словно плыла по волнам, они иногда перекатывались у нее над головой, и тогда она начинала задыхаться, а когда выныривала, пыталась напарить ногой дно, и это ей не удавалось. Бездна пугала ее, и от страха, наверное, в животе стал расти большой колючий ком, и когда он взорвался, внутри сделалось звонко и пусто, только осталось сердце, потому что его было слышно так, будто оно превратилось в молоток и лупило что есть силы в грудь.

Женьке не понравилось тонуть и захлебываться, она не любила, когда под ногами не было дна, которого в любой момент можно было коснуться, встать и стоять, зарываясь ногами в песок так, что никакие волны тебе ничем.

Женька сжалась в комок и заплакала. Ей стало так жалко своих ожиданий и предчувствий чего-то необыкновенного, которые не отсвечивали уже своей заманчивой отрешенностью, а проявились реальностью, грубой и четко очерченной реальностью. Эта реальность осталась лежать между ними, словно забытый на полу носок.

— Детский сад, — пробормотал Миша и закурил сигарету.

— Ты меня любишь? — спросила вдруг Женька, сама не понимая зачем.

— Да, — ответил он, не повернув головы, словно губы его утверждали одно, а глаза — другое, и посмотрев в них, можно было сразу определить, правду он говорит или лжет.

— Заяц в детстве не труслив, — четко сказала Женька, глядя в стену и запоминая рисунок ковра, как сложную формулу перед экзаменом.

— Что? Ты о чем? — он забеспокоился и попытался повернуть ее лицом к себе. Она подчинилась — он улыбался, и по его глазам уже нельзя было прочитать ни правды, ни неправды.

Все в их отношениях будто бы осталось по-прежнему. Тот вечер они не вспоминали, встречались то у Женьки дома, то у Миши, ходили в гости к друзьям, в кино, на концерты. Как-то Миша обмолвился, что собирается летом в стройотряд, заработать денег. «На кольца», — добавил уточняюще и посмотрел на Женьку.

— Ты мне делаешь предложение? — вскинула брови она.

— Ага, — засмеялся он. — Как порядочный человек.

— А если я откажусь?

— Стоит ли? Мы будем счастливы и умрем в один день. — И он снова умело запечатал ее губы поцелуем, и снова какой-то вопрос так и повис в воздухе и растворился в нем без следа.

Женьке чего-то не хватало в их отношениях, она все время была настороже, как заяц в лесу, полным охотников и собак, и пыталась внутрен-

ним зрением поймав неуловимо ускользающий момент чужого лукавства. Ей это не удавалось, все распалось, как в детском калейдоскопе, на мелкие стекляшки, и она покорно подчинялась более сильной воле, как в захваченных противником городах люди вынуждены подчиняться оккупантам. И удивлялась своей покорности.

Прошел еще месяц. Он был никаким. Она все так же мирно сосуществовала сама с собой, пока вдруг не обнаружила, что не все-то в ней и ладно. Женька лихорадочно покопалась в памяти, кое-что подсчитала, охнула про себя, но решила в панику не впадать и никому о своих подозрениях не рассказывать. Мише в том числе.

А он приходил все реже, отговариваясь делами на факультете, отводил в сторону глаза, и Женька опять не могла прочитать в них ту правду или неправду, которая ей не предназначалась. К концу второго месяца она жутко похудела: не от того, что ее тошнило и она мало ела, а, как ей казалось, от тяжелых, мучительных мыслей, которые заполняли не только голову, но и желудок, подступали комом к горлу и все никак не могли оформиться в те слова, которые наконец-то вырвутся наружу и облегчат ее существование. Женька скажет о них ему и услышит в ответ... Что? «Как порядочный человек...» Она испуганно прижимала к губам кулачок, словно заталкивала назад рвущиеся наружу фразы, давилась ими, и они там, внутри, сворачивались тяжелым комком.

— Что с тобой происходит? — настойчиво спрашивала мама.

Женька улыбалась, говорила что-то про трудные курсовые, уходила в свою комнату и там совершенно беззвучно ревела, ненавидя себя, свой живот и того, кто там уже находился.

...Это письмо белело на дне почтового ящика как флаг с просьбой о капитуляции. Она открыла дверцу, осторожно, словно боясь обжечься, взяла в руки конверт. Обратного адреса не было. Она стала лихорадочно вскрывать его еще на лестнице, быстро выхватила глазами первые строчки: «Милая, ты чудесная, добрая, но нам нужно расстаться...» Не веря глазам и не до конца понимая смысл написанного мелким, быстрым его почерком, она еще раз заскользила взглядом по строчкам, которые вдруг закорчились, заухмылялись и пустились в какой-то сумасшедший пляс, то расплываясь, то вновь четко проступая на бумаге. Женька села на стул и, обхватив голову руками, вдруг завывала — по-бабьи, в голос, причитая и раскачиваясь из стороны в сторону.

— Что? Что случилось? — из кухни прибежала мама, заметила белеющий на столе листок, взяла его, поднесла поближе к глазам...

— Ну и что? — спросила тихо. — Что ты так из-за этого кричишь?

Она брезгливо ткнула пальцем в письмо.

В это время тяжелый комок на дне Женькиного желудка ожил, стал подниматься кверху, подступил к горлу, и она все-таки отпустила его на волю.

— Я беременна, — сказала — и удивилась: это же так легко. Слова, долгие дни жившие внутри нее и, наконец, обретшие свободу, словно открыли невидимые шлюзы, и потоком хлынули слезы. Она плакала, как в детстве, задыхаясь и икая, растирая руками слезы и сопли по лицу и жалобно приговаривая: «Мама, мамочка...»

— Замолчи, — приказала мама. — Не вой, не из-за чего. Когда я умру, тогда будешь так плакать.

С этого дня Женькина жизнь словно спрессовалась в одни сплошные

уговоры родственников, сменяющиеся угрозами («Нужно идти к его родителям, все рассказать», — настаивала мать, а отец отмалчивался, лишь под кожей на скулах резче проступали желваки да руки мяли очередную сигарету, так и не прикуренную), и собственные смятенные поиски выхода, складывавшиеся в воспаленном мозгу в какие-то совсем уж фантастические картины: пойти и застрелить его из пистолета или самой наглотаться таблеток и умереть. Женька так ясно представляла себя в гробу, красивую, молодую, всю в белом, что начинала снова в голос рыдать, оплакивая собственные похороны. Мать, каким-то своим особым чутьем догадывавшаяся о причине новых рыданий, предусмотрительно спрятала от Женьки все колюще-режущие предметы и лекарства, мало-мальски имеющие отношение к снотворным и успокоительным, а уходя на работу, запирала дочь на ключ.

Женька слонялась по квартире непричесанная, в ночной рубашке, опухшая от слез, бессмысленно прикасалась пальцами к знакомым с детства предметам, ощупывала их как слепая, подходила к телефону, снимала трубку с рычага, слушала длинные гудки и удивленно клала трубку обратно. Мише она звонить пыталась — на другом конце провода никто не подходил к телефону. Потом перестала набирать знакомый номер, подумала: а что она у него спросит — почему ты меня бросил? Скажет о беременности? И услышит в ответ: «Как порядочный человек...»

Однажды мама вернулась домой довольно поздно, долго сидела в коридоре одетая, а потом, усталое разматывая шарф, проронила:

— Я ходила к его родителям...

Женька замерла. Она ждала продолжения, как ждет приговоренный к смерти указа о помиловании, который зачитывают прямо на эшафоте за несколько минут до исполнения приговора.

— Они сказали, что Миша бросил институт и уехал куда-то на Север. О твоей беременности никто ничего не знал... Ты что, даже ему не говорила?

Женька молча покачала головой. До нее с трудом, как сквозь толщу воды, доходили слова, сказанные матерью. Уехал на Север? Зачем? А она? Ах да... «Нам надо расстаться...» Мысли путались, сталкиваясь друг с другом. Пространство вокруг словно сузилось и смялось, как лист бумаги, бума...

Как мать успела ее подхватить, она уже не видела. Очнувшись, не поняла, что произошло, попыталась резко сесть и вдруг почувствовала, как в животе что-то мягко шевельнулось, скользнуло вниз, потом вверх, потом угнездилось где-то посередине и затихло. Прижала руки к животу, посмотрела на мать совершенно сухими, запавшими глазами и тихо сказала: «Заяц в детстве не труслив».

* * *

Она проснулась первой. Тимка заворочался через несколько секунд, зачмокал губами и высунул из-под одеяла розовую пятку. Женька быстро пробежалась по ней пальцами.

— Вставай, соня!

Пятка дернулась, исчезла под одеялом, зато показалась взлохмаченная Тимкина голова и заныла:

— Еще рано!

— В самый раз! — пропела Женька и, ухватив сына за теплую ногу,

стала щекотать и щипать его круглую попку, залезла под майку, забегала быстрыми пальцами по спине — массаж, массаж! — а он вырывался, хохоча и взбрыкивая ногами, как норовистый жеребенок. Потом она поставила его на пол и легонько шлепнула: «Быстро умываться!» — а сама, накидывая халат, побежала на кухню, шмякнула на конфорку чайник и заглянула в ванную — там было подозрительно тихо.

— Не филонить! — погрозила пальцем застывшему у раковины Тимке. — Чисть зубы и бегом на кухню!

Она любила своего сына какой-то материализованной, биологической любовью, постоянно испытывая потребность потрогать, потискать его руками. Ей все время хотелось прикасаться к нему, будто проверяя: он здесь, никуда не делся, не исчез, как мираж в пустыне, он с ней рядом, и так будет всегда и во веки веков. Аминь.

Она любила его так же неровно, как и жила: то бросалась целовать от макушки до пяток, то обрушивала на его голову праведный гнев за какую-либо провинность. Ей казалось, что пуповина, когда-то связывавшая их, не разорвалась, а лишь растянулась, и когда они на время расстаются — она уходит на работу, а он в детский сад, — эта нить натягивается до звона, как гитарная струна, и зовет их друг к другу, стоит лишь ее коснуться.

После рождения Тимки нелюбимый технический вуз она все-таки окончила. Помогала старенькая бабушка-соседка, присматривала за Тимкой, пока Женька на несколько часов убежала на лекции. Только вот мама ее диплома уже не увидела — умерла от сердечной недостаточности. Женька даже успела немного поработать по специальности — на маминном месте в плановом отделе небольшого предприятия. Однажды на столе начальника отдела зазвонил телефон. Он поднял трубку и через несколько секунд на глазах стал наливаться кровью. Женька даже испугалась — лопнет сейчас и всех забрызгает, б-р-р... Ее начальник пытался что-то вставить в бурную речь невидимого собеседника, но получалось это у него плохо. Скорее, совсем не получалось. Бросив трубку на рычаг, он повернулся к Женьке.

— Ты делала последний отчет для Москвы?!

— Ну, я... — Женька недоуменно пожала плечами. — А че случилось-то?

— А то случилось, что ты там все к чертовой бабушке перепутала! А еще там какие-то стишки!

Визг начальника несся вслед бежавшей по коридору Женьке еще долго. Да, помнила она этот отчет: когда сверяла цифры, ей пришло в голову совершенно гениальное стихотворение, которое нужно было срочно записать. Вот она его и записала. А тут отчет какой-то...

На следующий день она отправилась в редакцию областной молодежной газеты, где пару раз опубликовали ее письма-отклики на «гвоздевые» материалы номера. Леденяет от ужаса и своего нахальства, открыла двери в первый попавшийся кабинет и выпалила:

— Возьмите меня на работу! Я пишу стихи! И еще сочинения в школе были на пятерки...

Как ей потом рассказывали, редактор отдела культуры просто онемела от такого явления и долго не могла произнести ни слова. Но в газету ее взяли — с испытательным сроком. А через полгода перевели в штат.

Вечером они вместе возвращались домой. Тимка бежал рядом вприпрыжку, весело треща о чем-то своим, детским:

— Мама, смотри, вон будшая звезда на небе — это наша воспитательница, вон те, поменьше — это ребята. А все остальные — столы!

— Почему столы, Тим? — не понимала Женька.

— Ну как же, мам, — удивлялся Тимка. — Как же в группе без столов?

В тот вечер они никого не ждали в гости, поэтому прозвеневший в тишине звонок показался особенно громким и требовательным. Женька подошла к двери, глянула мельком в глазок, на секунду замерла, еще раз прильнула к нему и перестала дышать.

— Я не открою тебе, — прошептала она, словно тот, кто стоял за дверью, мог услышать ее шепот.

— Жень, открой, пожалуйста, — голос был просительный, даже какой-то умоляющий. — Ты должна меня выслушать.

— Я никому ничего не должна, — снова прошептала Женька. За дверью будто опять услышали ее слова.

— Ты должна меня выслушать! — раздалось в звенящей тишине. — Я не уйду отсюда, пока ты не откроешь.

Женька непослушными, негнуцимися пальцами отодвинула задвижку замка и обреченно посторонилась. В дверь вошел Миша.

— В комнату пригласишь? — спросил он спокойно.

— И кухни с тебя хватит, — фыркнула Женька, потихоньку пришедшая в себя и пытавшаяся овладеть ситуацией. Ну, пришел через столько лет, но ведь ты все это время ждала его, слабо признаться? Хотя бы сама перед собой не лицемерь!

Выбежавший на громкие голоса Тимка доброжелательно поглядывал на дядю из-под длинной прямой челки. «Подстричь пора!» — машинально отметила Женька и, взяв сына за плечи, мягко развернула его в сторону двери.

— Тима, посиди в комнате, нам с дядей надо поговорить.

Миша стоял молча, с любопытством разглядывая пацана.

— Что ж ты не поправишь меня? — вскинулась Женька. — Скажи уж сразу, что ты его отец!

— Скажу. Позже, — он уверенно прошел на кухню, выдвинул табурет из-под стола. — Присаживайся. В ногах правды нет.

— А в чем она, эта правда? — вежливо поинтересовалась Женька. — В том, что ты сегодня к нам пришел? Мы тебя не звали.

В ее груди уже начинал разгораться маленький костерчик, словно кто-то ехидный подкидывал в него дровишек. Женька чувствовала, как языки пламени становятся все больше и больше, от нестерпимого жара ей захотелось пить, она, не глядя, нашарила в холодильнике бутылку минералки и жадно глотнула прямо из горлышка.

— Хватит, не злись, — Миша миролюбиво взял ее за руку. — Поиграли в игрушки и будет.

— В игрушки?! — Женька задохнулась. — Это, — она ткнула пальцем в сторону комнаты, где находился Тимка, — это тебе игрушки?! Слушай, уходи по-хорошему, оставь нас в покое! Ну откуда ты взялся? Катись на свой Север, что тебе там не сиделось?!

— Твои родители дома? — вдруг без всякой связи спросил он. Женька ошеломленно замолчала, села все-таки на табурет и выдавила:

— Мама умерла... У нее было большое сердце. А отец снова женился, живет у новой жены. Мы здесь одни.

Сказала и тут же подумала — зачем? Зачем она ему все это объясня-

ет? И что это изменит в ее решении, которое она приняла сама, не поддавшись в тот раз ни на чьи уговоры.

— Я приду еще, — он произнес это так, что она поняла — придет, и грош цена ее хвастливым лозунгам: «Мы вдвоем с сыном, и больше нам никто не нужен».

— Почему ты тогда написал мне это письмо? — тихо спросила Женька, испытывая жгучее желание дотронуться до его щеки, провести пальцем по губам, чтобы он шутливо прихватил ими палец и стал целовать ее руки все дальше и дальше, до локтя и выше... Она вздрогнула, провела ладонью по лбу, словно снимая с него паутину, в которой сама запуталась, как глупая муха.

— Какое письмо? — Он удивленно оглянулся. — Я не помню, да и тебе советую забыть.

Дверь стукнула гулко, и этот звук больно оттолкнулся от Женькиной груди, как отдача от выстрела тренировочной винтовки, из которой Женька стреляла в институтском тире на занятиях по гражданской обороне.

«Разве это он? — спросила она себя. — А почему тогда я его не ненавижу?»

Боль и недоумение, скопившиеся у нее за эти годы где-то в районе солнечного сплетения (наверное, там и помещается душа!), вдруг хлынули изнутри. Она медленно съехала по стене на пол и заревела так, как не плакала даже на похоронах матери.

Испуганный Тимка выскочил в коридор и, увидев мать сидящей на полу и рыдающей в голос, заревел что было силы сам, кинулся ее поднимать своими слабыми ручонками. Она безвольно сидела, уткнувшись в колени, задыхаясь, и снова как в детстве размазывала по лицу слезы и сопли, и снова звала: «Мама, мамочка...»

Он появлялся почти каждый вечер. Шумный и веселый, подкидывал Тимку к потолку, всовывал ему в ладошку шоколадку, проходил на кухню, быстро расставлял по полкам холодильника продукты, и всякий раз Женька находила после его ухода деньги — в разных местах. Он ничего не просил, ничего не требовал, ни о чем не спрашивал, просто изо дня в день выполнял эту работу: словно заданную себе самому норму посещения. По крайней мере, Женьке так казалось.

Как-то появился совсем поздно вечером, усталый, грязный, протопал молча в ванную, там глухо зашумела вода, и Женька вспомнила: она только что выстирала висевшее на крючке полотенце. Быстро схватила с полки шкафа чистое, постучала в дверь.

— Миша, возьми полотенце.

Он приоткрыл дверь. Она, стараясь не смотреть, просунула в щель полотенце и нечаянно выхватила глазами треугольник живота с резко очерченной косой мышцей. Дверь закрылась, а Женька так и осталась стоять, прислонившись к косяку. Или она сошла с ума, или у нее что-то случилось со зрением, но на том месте, где у «того» Миши располагался шрам от аппендицита, у «этого» Миши ничего не было! Девственно гладкая, чистая кожа и никаких признаков хирургического вмешательства, после которого, как правило, остается некрасивый неровный шрам.

Женька отшатнулась от двери, бросилась в комнату, схватила на руки Тимку и растерянно заметалась по квартире. Кто сейчас моется в ее ванной? Что ему от них нужно? Она не успела принять никакого решения,

когда дверь ванной отворилась и, вытирая голову ее полотенцем, чистый и сияющий мужчина появился на пороге.

— Привет, — улыбнулся он. — Прости, что ввалился как чумак со шляху.

— Привет, — выдохнула Женька. — Ты кто?

Улыбка сошла у него с лица, будто стертая ластиком, и он внимательно посмотрел на Женьку.

— Догадалась как?

— Шрам, — Женька показала на себе. — Шрам от аппендицита. У Миши он был.

— Да, верно, — легко согласился мужчина. — Мишке аппендикс вырезали лет в двенадцать. А вот у меня не случилось, хотя говорят, у близнецов все одинаковое, даже болезни.

— У близнецов?! — Женька изумленно уставилась на незнакомца. — Ты Мишин брат?!

— А он тебе разве ничего обо мне не говорил? — вопросом на вопрос ответил тот.

— Да нет, я знала, что у Миши есть брат, что он учится в Москве, но что вы так похожи...

Женька пыталась осознать происходящее с точки зрения здравого смысла и не находила его, как ни старалась. Она судорожно прижимала к себе притихшего Тимку, словно пытаюсь прикрыться им от всего непонятного и тревожного, что пришло в их дом с этим человеком.

— Олег... — вдруг вспомнила она его имя. — Почему ты ко мне пришел? Откуда ты про меня узнал?

— Мишка написал мне письмо в Москву, — тихо сказал мужчина. — За несколько дней до своей смерти. Он работал на стройке, там произошел несчастный случай... Мишка долго лежал в больнице, врачи обещали, что выживет. Только он чувствовал, что это — конец. Просил меня позаботиться о тебе. От родителей он узнал, что у него родился сын.

— Не нужна мне ничья забота, — Женькино притихшее было самолюбие вновь встрепенулось и заворчалось опять же где-то в районе солнечного сплетения.

— Это не тебе решать, — жестко взглянул на нее Олег. — Тебе не нужна, ему пригодится.

Он кивнул на мальчика, не спускавшего со взрослых испуганных глаз.

— Я ничего о тебе не знаю, — сдалась Женька.

Олег молча надел рубашку, пригладил пятерней мокрые волосы и, обернувшись, широко и красиво улыбнулся.

— Окончил Московский архитектурный институт, не женат, не привлекался, — отрапортовал шутливо. — В Москве у меня своя фирма. Чтобы успевать к тебе, мотаюсь оттуда на машине. Сегодня сломался прямо на дороге, еле-еле доковылял до города, сдал здесь машину в ремонт, завтра обещали сделать. Другие вопросы будут? А то я очень устал. Да, и еще. Ехать обратно мне не на чем. Ты уж разреши переночевать у тебя. Надеюсь, спальное место найдется?

— Найдется, — машинально, как эхо, ответила Женька, напряженно думая о чем-то своем. Наконец она уловила кончик мысли, стала ее вытягивать, наматывая на невидимую, но жесткую ось, и со всего размаху шмякнула этой палкой по незащищенной его улыбке.

— Зачем я тебе? — она закрыла лицо руками, чтобы не видеть, как он

закорчится от боли, и услышала будто со стороны свой звенящий, готовый вот-вот сорваться на крик, голос: — Позаботился и хватит! Выполнил волю брата, совесть твоя теперь чиста, можешь спать спокойно! Катись в свою Москву, и чтобы я тебя больше не видела! Заботник нашелся...

В комнате установилась какая-то подозрительная тишина. Женька раздвинула пальцы и осторожно посмотрела в образовавшуюся щелочку. Олег спал, откинув голову на спинку кресла, спал красиво и безмятежно, как может спать мужчина, привыкший выполнять свой долг так же красиво и незаметно.

Она принесла из спальни подушку, попыталась пристроить ее у Олега в изголовье. Он приоткрыл глаза и пробормотал:

— Ты ко мне привыкнешь...

Потом обнял подушку двумя руками и, посапывая, совсем как маленький Тимка, заснул. Женька всю ночь просидела на полу возле него, до рези в глазах вглядываясь в знакомые и такие незнакомые черты. Проваливаясь в воспоминания, снова будто бы поплыла по волнам и опять не могла достать ногами до дна, но бездна уже не пугала ее, ведь она все-таки научилась за эти годы плавать. И на гитаре играть тоже.

«Заяц-то в детстве не труслив», — вдруг вспомнила она их с Викой неоконченный роман. Подумала немного и решила: «И в отрочестве тоже».

Л.П. ШИЛИНА

(лит. псевдоним Анна Вислоух),

член Союза писателей России,

бывший редактор областной газеты

«Вестник просвещения»

